

ДИСКУССИИ

К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О РАССЛОЕНИИ КРЕСТЬЯНСТВА В РОССИИ XVII в.

Л. В. МИЛОВ

Публикацией весьма интересной и оригинальной статьи Е. И. Индовой, А. А. Преображенского и Ю. А. Тихонова¹ в журнале «История СССР» была продолжена дискуссия по проблеме расслоения крестьянства, начатая и развернутая на сессиях симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Авторы этой работы взяли, на наш взгляд, за очень тяжелую задачу — в рамках небольшой журнальной статьи поставить принципиально новую проблему (ибо речь идет ни больше ни меньше как о буржуазном расслоении с XVII в.), и притом поставить ее в конкретно-историческом плане.

Советская историческая литература насчитывает немало успешных исследований по социально-экономической истории XVII—первой половины XVIII в. Среди них есть работы, давшие, в частности, ряд новых глубоких наблюдений по проблеме зарождения в недрах феодализма капиталистических отношений². Ориентируясь, очевидно, именно на эти успехи, авторы упомянутой статьи предположили, что настало время для решения в конкретно-историческом плане даже для такой ранней и мало изученной эпохи, какую является XVII столетие, новой проблемы — проблемы расслоения крестьянства. Постановка вопроса в таком плане оказалась сопряженной с рядом трудностей теоретического и конкретно-исторического характера, решение которых применительно к XVII столетию в некоторых случаях представляется весьма спорным.

Прежде всего несколько слов о предмете дискуссии. Как пишут сами авторы статьи «О буржуазном расслоении», их выступление на страницах журнала вызвано стремлением возразить целому направлению, сложившемуся в советской литературе последних лет. Представители этого направления все введенные в научный оборот факты, позволяющие говорить о явлениях расслоения земледельческого крестьянства XVII—XVIII вв., квалифицируют лишь под углом зрения исключительно «хозяйственного неравенства»³. Именно по этому вопросу и шли в основном до сих пор научные споры в печати и на сессиях симпозиума по аграрной истории стран Восточной Евро-

¹ Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. О буржуазном расслоении крестьянства России в XVII—XVIII вв., «История СССР», 1962, № 3.

² См., напр., Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности, М., 1957; Н. А. Бакланова. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в. К истории формирования русской буржуазии, М., 1959; А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.), М., 1960; Л. В. Данилова. Мелкая промышленность и промыслы в русском городе во второй половине XVII — начале XVIII в. (по материалам Ярославля). «История СССР», 1957, № 3; А. М. Орехов. Товарное производство и наемный труд в промышленности по переработке животного сырья в Нижнем Новгороде XVII в. Сб. «Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни», М., 1961, и др.

³ Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 81.

пы⁴. В этом же плане, казалось, продолжают дискуссии и Е. И. Индова, А. А. Преображенский и Ю. А. Тихонов. Об этом свидетельствует прежде всего сама постановка вопроса о буржуазном расслоении с XVII в. Об этом же свидетельствует и выдвинутый в статье тезис: «Было бы неверно полагать, что в сельском хозяйстве зарождеение буржуазных отношений происходило намного позднее, чем в промышленности»⁵.

Однако из дальнейшего содержания статьи следует, что взгляды авторов значительно сложнее и не ограничиваются простым утверждением буржуазного характера расслоения земледельческого крестьянства. Е. И. Индова, А. А. Преображенский и Ю. А. Тихонов считают, что сама «попытка выделить чисто земледельческое крестьянство в условиях докапиталистической деревни не имеет научного основания»⁶. В. К. Яцунский в своей статье приходит к выводу о том, что этот тезис является плодом какого-то недоразумения⁷. Однако все построение статьи Е. И. Индовой, А. А. Преображенского и Ю. А. Тихонова, основанное на постоянном чередовании материалов промысловых селений с материалами по земледельческому крестьянскому хозяйству, заставляет думать, что перед нами принципиальная позиция авторов. Мысль об отсутствии в России XVII—XVIII вв. чисто земледельческого крестьянства выражается и в другом тезисе авторов: «Буржуазное расслоение крестьянства нельзя изучать изолированно от общего хода эволюции народного хозяйства. Его развитие определяется не столько социально-экономическими сдвигами в деревне, сколько общим развитием капиталистических отношений в стране»⁸. В основу этого положения авторы кладут известное высказывание К. Маркса из 47-й главы «Капитала» об условиях развития капиталистических арендаторов⁹. Однако, на наш взгляд, такая ссылка на К. Маркса неправомерна, так как в трудах К. Маркса и В. И. Ленина мы не найдем той аргументации, которую приводят авторы статьи о буржуазном расслоении, утверждающие, что крестьянство расслаивается не столько в силу социально-экономических сдвигов в деревне, сколько в силу своих связей с народным хозяйством страны. У К. Маркса речь идет о другом: социально-экономические сдвиги в деревне зависят от общего развития капитализма вне сферы сельского хозяйства, а процесс расслоения в свою очередь основан на социально-экономических сдвигах в деревне¹⁰.

Тезис авторов о второстепенном значении для расслоения крестьянства социально-экономических сдвигов в самом сельском хозяйстве логически вытекает из положения об отсутствии в XVII—XVIII вв. чисто земледельческого крестьянства, ибо только приравняв все крестьянство к промысловому, можно прийти к выводу о его расслоении лишь в силу связей с промышленным развитием страны. Отсюда и фактическая (хотя и с оговорками) защита тремя авторами тезиса об одновременном развитии капиталистических отношений как в сфере промышленности, так и в сфере сельского хозяйства.

С конкретно-исторической точки зрения решение вопроса о причинах расслоения крестьянства и тем более об экономическом облике крестьянства XVII—XVIII вв. требует определения степени распространения промысловых занятий среди крестьянства России этого времени. Здесь позиции Е. И. Индовой, А. А. Преображенского и Ю. А. Тихонова столь же неблагоприятны, как и позиции их оппонентов, ибо этот вопрос, в частности по отношению к XVII в., слишком мало изучен. Априорные сообра-

⁴ См. В. К. Яцунский. Генезис капитализма в сельском хозяйстве России. «Ежегодник по аграрной истории стран Восточной Европы за 1959 г.», М., 1961; А. Л. Шапиро. Об опасности модернизации экономической истории русского крестьянства XVII — первой половины XVIII в. Там же; Н. Л. Рубинштейн. О расслоении крестьянства и так называемом первоначальном накоплении в России, «Вопросы истории», 1961, № 8, и др.

⁵ Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 89.

⁶ Там же.

⁷ В. К. Яцунский. Еще к вопросу о возникновении капиталистического расслоения земледельческого крестьянства в докапиталистической России. «История СССР», 1963, № 1, стр. 127.

⁸ Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 83.

⁹ К. Маркс. Капитал, т. III, М., 1950, стр. 812.

¹⁰ Там же.

жения как той, так и другой спорящей стороны мало что могут изменить, даже если учесть, что на стороне оппонентов Е. И. Индовой, А. А. Преображенского и Ю. А. Тигонова есть ряд веских доводов теоретического характера.

Думается, что в силу вышеизложенных соображений будет уместным привести в качестве примера материал о степени развития ремесла и товарного производства в селах Нижегородского края XVII в. Как известно, Нижегородский край — один из древнейших и крупнейших в России районов промыслового развития, корни которого уходят в XVII в. Именно здесь к середине XVII в. формируются такие широко известные торгово-промышленные центры, как Павлово, Лысково, Мурашкино, Богородское, Ворсма, Работки и др. Однако стоит углубиться несколько в сторону от этих центров, как по материалам тех же самых источников мы наблюдаем совсем иную картину. Так, по писцовой книге 1621—1623 гг. в деревне Перевоз на р. Пьяне из ремесленных специальностей отмечен лишь один кузнец (18 дворов крестьянских и 24 пустых)¹¹. В с. Нагавицыне (старом Покровском) из 26 крестьянских и 20 бобыльских дворов отмечено лишь двое ремесленников (кузнец да плотник) и один пастух¹². В Григорове писцовая отмечает трех кузнецов, коновала и плотника при том, что все население составляет 55 дворов крестьянских (75 душ м. п.), 32 двора бобыльских (38 д. м. п.), да 9 келей нищих. В Григорове, как и во многих нижегородских селениях, живы также древние бобровые и бортные промыслы¹³. По той же писцовой книге 1621—1623 гг. в монастырском с. Ельне отмечен лишь один бочкарь (23 двора крестьянских, 21 бобыльский)¹⁴. В монастырском с. Ягодном на 46 дворов крестьянских и 4 бобыльских приходится красильник, бочкарь и харчевник, да «сошли» из села гребенщик и скомогох¹⁵. Всего два кузнеца в довольно крупном с. Кадницы (81 двор крестьянский и 36 дворов бобыльских)¹⁶. В с. Слободском, где было 83 двора крестьянских и 13 бобыльских, писцовая отмечает лишь овчинника, красильщика и мельника¹⁷. Кроме того, в ряде сел, таких, как Сласское (8 дворов крестьянских, 2 пустых), Высокое (10 дворов крестьянских, 5 бобыльских), Гридино (19 дворов крестьянских, 7 бобыльских), Вельдеманово (40 дворов крестьянских, 13 бобыльских), Шаханово (26 дворов крестьянских, 6 бобыльских), Лопатино (54 двора крестьянских, 18 бобыльских), и в других совсем не отмечено ремесленных профессий¹⁸. Сравнивая эти данные с материалами по тем же самым деревням и селам для середины XVII в., мы не видим сколь-либо значительного роста в них ни числа ремесленников, ни количества ремесленных специальностей, в то время как по тем же переписным книгам в таких селениях, как Лысково, Мурашкино, и других этот бурный рост отчетливо виден. В 1646 г. деревня Перевоз стала приселком с 54 крестьянскими и 15 бобыльскими дворами (233 д. м. п.). Однако ремесленники здесь не отмечены¹⁹. В с. Нагавицыне (55 дворов крестьянских, 7 бобыльских), где раньше мы видели кузнеца, плотника и пастуха, в середине века отмечены: из бобылей — кузнец, портной мастер, плотник, скомогох и красильник, а из крестьян — кузнец, портной мастер и токарь. В третьем из сопоставляемых сел — Григорове в 1646 г. отмечены лишь кирпичник и кузнец, хотя селение выросло до 110 дворов крестьянских (388 д. м. п.) и 39 дворов бобыльских (84 д. м. п.). В с. Ягодном переписная зафиксировала винокура, ворошника (?) и бочкаря (158 дворов крестьянских с 537 д. м. п. и 30 бобыльских с 80 д. м. п.). В с. Слободском, выросшем до 96 дворов крестьянских (303 д. м. п.) и 53 бобыльских (140 д. м. п.), среди ремесленников насчитываются кузнец, плотник, ситник, мельник, портной мастер. Кроме того, в хозяйстве вотчинника «6 человек каменщиков (кабальные люди) живут на пустых дворах

¹¹ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, Писцовые книги по Н.-Новгороду, кн. 7481, лл. 555—555об.

¹² Там же, лл. 120об.—124об.

¹³ Там же, лл. 80—90, 92 об.

¹⁴ Там же, кн. 293, лл. 893—894.

¹⁵ Там же, кн. 7481, лл. 542—545; кн. 292, л. 839.

¹⁶ Там же, кн. 292, лл. 509об.—511.

¹⁷ Там же, кн. 7481, лл. 174—180.

¹⁸ Там же, кн. 7481, лл. 580—581; кн. 293, лл. 889—889об.; кн. 7481, лл. 75—76об., 68об.—71об., 94—97; кн. 7040, лл. 675об., 676об., 726об.

¹⁹ Там же, кн. 237, лл. 862—867об.

беглых крестьян»²⁰. Несколько больше и разнообразнее стало ремесло в с. Спасском, где в первой четверти XVII в. оно отсутствовало вовсе. На 110 крестьянских (337 д. м. п.), 25 бобыльских (54 д. м. п.) и 7 дворов церковных бобылей (15 д. м. п.) в середине века приходится 13 дворов ремесленников (из них 3 двора бобылей). Преимущественно это представители ремесел по изготовлению предметов одежды: швец, шляпник, рукавишник, овчинник, шерстобит, красильник. Кроме того, в селе были 2 кузнеца, токарь, плотник, сыромятник и банник (?). Напротив, в с. Гридине, где 62 крестьянских (216 д. м. п.) и 6 бобыльских (13 д. м. п.) дворов, отмечен лишь один токарь²¹, а в с. Вельдеманове (163 крестьянских двора с 495 д. м. п. и 26 бобыльских с 44 д. м. п.) ремесленников нет вовсе. В с. Шахманове жили: кузнец, овчинник, дегтярь, сапожник, дровяник портной мастер и мясник (72 двора крестьянских с 210 д. м. п., 19 бобыльских с 47 д. м. п. и 9 изб нищих), а в с. Лопатине, где в 1646 г. насчитывался 81 двор крестьянский (346 д. м. п.) и 34 бобыльских (97 д. м. п.), отмечены лишь овчинник да иконник²².

Несмотря на очевидную неполноту данных источника, основной вывод представляется все-таки неоспоримым. Для большинства селений этого края промысловые и ремесленные хозяйства представляют собой лишь отдельные островки в море крестьянских хозяйств чисто земледельческого характера. Все эти промыслы оставляют типичное дополнение крестьянского хозяйства. Это прежде всего, как пишет В. И. Ленин, «занимающиеся (иногда исключительно, иногда в связи с земледелием) выделкой кож обуви, одежды, кузнечной работой, окраской домашних тканей, отделкой крестьянских суконов, переработкой зерна в муку и т. д.»²³. По вышеуказанным десяти селам состав ремесленных специальностей имеет следующий вид:

кузнецов 7	иконников 1	красильников 2
плотников 4	ситников 1	скоморохов 2
кирпичников 1	портных мастеров 3	винокуров 1
сыромятников 1	швцов 1	мельников 1
бочкарей 1	рукавишников 1	мясников 1
дегтярей 1	овчинников 3	ворошников (?) 1
токарей 1	шляпников 1	банников 1
дрозьянников 1	шерстобитов 1	

Только взятые вместе эти ремесла представляют собой более или менее целый комплекс, по селам они в большинстве случаев разбросаны по 2—3 видам. Все это позволяет утверждать, что большинство сел (не говоря уже о деревнях) даже такого промыслового района, как Нижегородский край, были типичными поселениями чисто земледельческого характера. Такими они оставались и во второй половине XVII в.²⁴

Господство натурального хозяйства, столь характерное для феодального способа производства, традиционно воздействовало на бурно развивавшийся в XVII в. процесс образования неземледельческих сельских торгово-промышленных центров, вызывая своего рода «обратимость», которая проявлялась в том, что целый ряд селений, возникших как чисто неzemледельческие центры, впоследствии под влиянием господствующей системы производственных отношений, тяготеющей к патриархальному земледелию, заметно изменяли свой неzemледельческий характер. Так, в 1621—1623 гг. в стоящей на берегу Волги Васильевой слободе было 99 «дворов торговых и всяких промышленных людей», «да меж тех тяглых дворов — бобыльских и ярыжных, которые ходят на судах и всяких беспромышленных людей и вдов» — 45 дворов²⁵. Однако к 1678 г. картина существенно меняется. Мы видим здесь 98 «крестьянских жилых дворов» (273 д. м. п.), 50 дворов бобыльских (119 д. м. п.) и 46 пустых дворовых мест (опустевших от морового поветрия)²⁶. Появление в селе крестьянства,

²⁰ ЦГАДА, ф. Поместн. пр., Переписные книги по Н.-Новгороду, кн. 296, лл. 557—560об., 450—458, 815—828, 1036—1130об., 1112.

²¹ Там же, кн. 297, лл. 966—978.

²² Там же, кн. 296, лл. 407—413об., 494об.—503; кн. 7043, лл. 1857—1868.

²³ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 286.

²⁴ ЦГАДА, ф. Поместн. пр., Переписные книги по Н.-Новгороду за 1678 г., 1684—1685 гг., № 7528, 7530, 7044, 7045.

²⁵ Там же, кн. 293, лл. 1097—1100.

²⁶ Там же, кн. 7529, л. 362об.—372об.

конечно, не означает прекращения развития села как промыслового центра. Но проникновение крестьянства в торгово-промышленные села с очевидностью показывает силу воздействия законов феодального способа производства, когда по ряду обстоятельств не может существовать тип торгово-промышленного села, полностью оторванного от земледелия. По тем же причинам во многих случаях тенденции образования в ряде селений промысловых слободок, населенных так называемыми «непахотными людьми», не получают достаточного развития. Так, в частности, в с. Княгинине к 1664 г. образовалась группа «непахотных детей крестьянских и бобыльских» в 25 дворов²⁷. Однако, не получив развития, к концу века она бесследно исчезает. Такие примеры не единичны.

Приведенный выше материал отнюдь не ставит своей целью опровержение общепризнанного мнения о широком развитии среди крестьянского населения России XVII в. различного рода промысловых занятий. Однако вышеприведенные факты предостерегают нас от излишнего преувеличения размаха крестьянских промыслов в XVII в. и ставят под сомнение тезис Е. И. Индовой, А. А. Преображенского и Ю. А. Тихонова о невозможности выделить в условиях докапиталистической деревни чисто земледельческое население.

Следует особо подчеркнуть основную трудность, перед которой встали авторы статьи о буржуазном расслоении,— отсутствие, особенно для XVII в., более или менее удовлетворительной источниковедческой базы, что заставило авторов пользоваться, главным образом, косвенными свидетельствами источников. Рискованность такого метода вполне очевидна в свете неоднократно сформулированных В. И. Лениным требований совокупного изучения данных о крестьянских хозяйствах при решении проблем расслоения²⁸. Однако метод использования косвенных свидетельств в статье о буржуазном расслоении был, так сказать, укреплен соображением теоретического порядка, выразившимся в разобранном нами выше тезисе, согласно которому расслоение крестьянства зависит не столько от социально-экономических сдвигов в деревне, сколько от общего развития капиталистических отношений в стране. Таким образом, отсутствие источников в сочетании со стремлением авторов судить о расслоении крестьян по некоторым социально-экономическим явлениям общего порядка лежит в основе ряда недочетов этой, в целом весьма интересной, статьи.

Так, в частности, в слишком общей форме поставлен в статье вопрос о необходимости при изучении процессов расслоения крестьянства учитывать отлив крестьянской верхушки в города. Явно не подходит к периоду XVII столетия цитированное авторами ленинское положение о «генеральном штабе» буржуазии, осевшем в городах²⁹. Думается, что в этот период процесс оседания крестьянства в городах в гораздо большей степени олицетворял чисто феодальный характер их развития. В громадном большинстве случаев мы имеем дело с побегам на посад представителей деревенского ремесла или крестьянства вообще. С точки зрения социальной вряд ли что меняется, когда, скажем, из с. Абрамова в ближайший город Арзамас бежит 4 рукавишника, 2 сапожника, токарь да лучник, а в селе из ремесленников остаются всего лишь 2 кузнеца и лошкарь при населении в 353 д. м. п.³⁰ При всем несовершенстве источника, откуда взяты эти данные, отчетливо видно, что в этом селе промыслы едва выделяются из стадии простого ремесла и ни о каком «генеральном штабе» и речи быть не может. В тех же очень редких для XVII в. случаях, когда в город переселяются весьма зажиточные крестьяне (как это было, например, при приобретении на посаде Нижнего Новгорода дворя знаменитым лысковцем Антропом Леонтьевым³¹), мы имеем дело прежде всего с пополнением прослойки городского купечества, зачастую весьма далекого от промышленного предпринимательства. Таким образом, постановка вопроса в том плане, как это дано в статье о буржуазном рас-

²⁷ Там же, кн. 7530, л. 274об.

²⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 106.

²⁹ Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 90.

³⁰ ЦГАДА, ф. Поместн. пр., Переписные книги по Н.-Новгороду, кн. 7043, лл. 116—123об., 125—129.

³¹ «Действия Нижегородской Ученой Архивной Комиссии», т. XV, вып. VI, Н.-Н., 1915, стр. 57.

слоении, является, на наш взгляд, по крайней мере спорной и нуждается прежде всего в изучении с фактической стороны.

В статье И. Д. Ковальченко справедливо отмечена неправомерная трактовка другого сложного социального явления — отходничества, которому авторы статьи о буржуазном расслоении уделили одно из главных мест. Тезис авторов о том, что отход «выражал собой прогрессирующее буржуазное расслоение крестьянства»³², — яркая иллюстрация механического перенесения ряда ленинских оценок явлений пореформенного периода на явления крепостной России XVII—XVIII вв. В пореформенный период отходничество, как правило, действительно само по себе служит сильнейшим проявлением процесса крестьянского разложения. В условиях же крепостного права это сложное социальное явление далеко не всегда символизирует разорение крестьян³³. В качестве одного из рычагов, втягивающих крестьянское хозяйство в орбиту товарно-денежных отношений, отходничество благоприятствует процессу расслоения. Его значение можно сравнить со значением денежной ренты как важнейшего условия для развития процесса расслоения. Но считать, что отходничество само по себе выражает «прогрессирующее буржуазное расслоение», — все равно, что считать, скажем, денежную ренту тем же выражением расслоения. В решении таких вопросов, как распространение найма, зарождение капиталистических отношений в промышленности, вопросов, связанных с развитием предприятий капиталистического типа, факты об отходничестве в XVII—XVIII вв. являются важнейшим прямым доказательством. Однако при решении проблемы расслоения — это лишь косвенное и притом не всегда приемлемое свидетельство. Несомненно, что в мануфактурный период развития промышленности, когда наем отходников приобретает прочно установившиеся формы и направления, значение фактов отходничества как косвенного свидетельства расслоения крестьян возрастает. Но и в этом случае для научного изучения проблемы такого свидетельства совершенно недостаточно без привлечения данных о крестьянском хозяйстве отходника.

Как правильно отмечает В. К. Яцунский³⁴, решительное возражение должна встретить трактовка Е. И. Индовой, А. А. Преображенским и Ю. А. Тихоновым кабальных отношений XVII—XVIII вв. со ссылкой на известные ленинские определения кабалы пореформенного периода³⁵. Анализ В. И. Лениным сущности пореформенной кабалы иллюстрирует один из многообразных окольных путей развития капитализма в пореформенную эпоху. Именно после реформы 1861 г., когда отчетливо намечается процесс перерождения феодальных форм хозяйства, перерождается и кабала, которая теперь имеет лишь элементы крепостничества и элементы ростовщичества. Но значит ли это, что точно так же было и в XVII в.? Думается, что не значит. В эту историческую эпоху, эпоху зарождения капиталистических отношений далеко не все пути вели к капитализму, и было бы неверно механически переносить сюда ленинские оценки и анализ многообразных путей развития капитализма во второй половине XIX в.

На наш взгляд, постановка вопроса о сущности кабалы в XVII в., предложенная авторами статьи о буржуазном расслоении, напоминает подмеченную покойным Н. Л. Рубинштейном тенденцию трактовать генезис капиталистических отношений как процесс всеобщего перерождения³⁶. Подобная трактовка, крайне представители которой готовы видеть капитализм в крепостной мануфактуре, молчаливо предполагает общим пределом развития производительных сил феодализма тот уровень, который был достигнут в странах Западной Европы к XVI в., когда там на смену феодализму пришел капитализм.

Кроме того, в статье о буржуазном расслоении ленинские положения о пореформенной кабале использованы неисчерпывающе и неточно. Начнем с последнего. Авторы

³² Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 91.

³³ См. И. Д. Ковальченко. Некоторые вопросы генезиса капитализма в крестьянском хозяйстве России. «История СССР», 1962, № 6, стр. 81.

³⁴ В. К. Яцунский. Еще к вопросу о возникновении капиталистического расслоения крестьянства в докапиталистической России, стр. 124—125.

³⁵ Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 100.

³⁶ Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 82.

приводят ленинское определение кабалы с научной точки зрения, как «все те сделки, в которых есть элемент *ростовщичества... или крепостничества*», но выпускают ленинскую конкретизацию этих элементов³⁷. Это большая неточность. Именно сравнение упоминаемых В. И. Лениным элементов с основными чертами кабалы XVII в. помогает понять всю разницу этих социальных явлений. В качестве элемента ростовщичества у В. И. Ленина фигурирует зимняя наемка на сельскохозяйственные работы, в качестве же элемента крепостничества — отработки за потравы. В качестве же кабальных отношений среди крестьян XVII в. в подавляющем большинстве случаев фигурируют отработки за долг («закжив»), закабальяющие должника на многие годы, а часто и на десятки лет. Какие же это «элементы»?! Ведь, следуя такой трактовке ленинских положений, данных им при изучении пореформенной эпохи, ничего не стоит и в монастырских детенышах XVI в., определяемых в работах советских историков (Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, А. А. Зимина и др.) как категория феодально-зависимых людей, увидеть «зародышевую форму капиталистических отношений». А отсюда уже недалеко и до кабальных холопов XVI в., которых, кстати, еще Н. П. Павлов-Сильванский считал «свободными должниками».

Как уже говорилось, в статье трех авторов ленинские определения кабалы приведены к тому же неисчерпывающе. В работе В. И. Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» к положению о пореформенной кабале как о «первоначальном проявлении капитализма в земледелии» есть примечание принципиального характера. В нем В. И. Ленин оговаривается, что такого рода явления «встречались в отдельных случаях и до капиталистических порядков»³⁸. Чуть ниже у В. И. Ленина употреблено более сильное выражение — «единичные случаи»³⁹. По признанию же авторов статьи о буржуазном расслоении, в XVII—XVIII вв. кабальные отношения среди крестьян играли «огромную роль»⁴⁰. Следовательно, те кабальные отношения, которые стали системой лишь в пореформенный период (об этом пишет В. И. Ленин), имеют мало общего с явлениями феодальной кабалы XVII—XVIII вв.

Основным аргументом исследователей, отстаивающих концепцию буржуазного расслоения крестьянства с XVII в., служит накопленный в литературе материал о применении в эту эпоху наемного труда. Однако сторонники иной точки зрения справедливо оспаривают капиталистический характер такого найма и, в свою очередь, приводят контрфакты о распространении найма в более раннюю эпоху — XV—XVI вв. При этом некоторые ученые считают возможным выделение специфических феодальных черт найма. Эта мысль из работ последнего времени наиболее обстоятельно развита в статье И. В. Степанова о работных людях Поволжья в XVII в.⁴¹ На наш взгляд, подобная точка зрения и ее аргументация не вполне убедительны, ибо купля — продажа рабочей силы, взятая сама по себе, не имела принципиальных отличий в зависимости от той или иной эпохи. Другой вопрос — судьба наймита, превращение отношений найма под влиянием господствующих законов феодального способа производства в отношения другого рода — кабального, феодального типа. Это в свое время было убедительно показано А. М. Панкратовой⁴². В вопросах настоящей дискуссии, на наш взгляд, разногласия происходят от не всегда правильной трактовки тезиса о рабочей силе как товаре в качестве одного из исходных моментов капиталистического производства. Эпизодическая продажа рабочей силы, которая имела место на всем протяжении существования феодального общества⁴³, еще вовсе не означала

³⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 124.

³⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 463.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 100.

⁴¹ И. В. Степанов. Работные люди Поволжья в XVII в. (к вопросу о характере найма). В кн. «Вопросы генезиса капитализма в России», сб. статей, Л., 1960, стр. 102—104.

⁴² А. М. Панкратова. Наймиты на Руси в XVII в. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», сб. статей, М., 1952.

⁴³ Об этом убедительно пишет А. Л. Шапиро в своей работе об этапах расслоения крестьянства (См. А. Л. Шапиро. Об имущественном неравенстве и социальном расслоении русского крестьянства в эпоху феодализма. «Вопросы генезиса капитализма в России», Л., 1960).

превращения этой рабочей силы в товар, ибо рабочая сила не может быть товаром вне сферы товарного производства. Между тем некоторые исследователи склонны любой факт найма оценивать как момент превращения рабочей силы в товар (точно так же, как, скажем, при изучении отходничества факт отхода у таких исследователей служит признаком разорения). Думается, что превращению рабочей силы в товар предшествует своего рода подготовительный период (равно как товарному производству в собственном смысле исторически предшествует стадия товарного обращения). В подкрепление мысли о том, что факт эпизодического найма не означает превращения рабочей силы в товар, а следовательно, не дает основания для обязательной трактовки этого явления, как явления, связанного с расслоением, уместно напомнить одно из положений В. И. Ленина. Характеризуя так называемое среднее крестьянство, вскрывая неустойчивость его положения, В. И. Ленин отмечает, что «в большинстве случаев средний крестьянин не может свести концов с концами без того, чтобы не прибегать к займам под отработки и т. п., без того, чтобы не искать „подсобных“ сторонних заработков, состоящих тоже отчасти из продажи рабочей силы, и т. д.»⁴⁴.

Обращаясь к конкретно-историческому материалу не только XV—XVI, но и XVII вв., нетрудно заметить, что в громадном большинстве случаев встречается найм эпизодический. К такой работе по найму и в XVII в. и в более ранний период прибегала прежде всего масса пауперизированного населения. Необходимо отметить, что многие исследователи, акцентируя внимание на занятиях довольно многочисленной для XVII в. прослойки беднейших крестьян, бездворных бобылей и т. п. «черною работою», проходят мимо важнейшего фактора — сочетания этой работы с нищенством. Разумеется, немало способствует этому и состояние источников. В частности, в таких источниках, как писцовые, отказные, переписные и т. п. книги, не всегда четко различается между собой целый ряд немаловажных разновидностей «промыслов». Среди них в первую очередь следует назвать такие, как «кормится работою», «кормится в миру», «кормится Христовым именем», «кормится черною работою» и т. п. В качестве примера здесь можно привести отказную и переписную книги по известному селу Павлову (на р. Оке). Если по отказной 1642 г. в селе насчитывалось 55 человек, «кормящихся работою» и нищих (помимо ярыжных), то в переписной книге 1646 г. мы находим лишь одних нищих (76 человек, 49 дворов)⁴⁵. Дело, конечно, не в том, что к 1646 г. «кормящиеся работою» бросили этот промысел и стали нищими, а в том, что писцы часто не различали эти типы «промыслов», ибо в действительной жизни нищенство часто сочеталось со случайными заработками и наоборот⁴⁶. Что касается ярыжных, то многие из них также сочетали работу с нищенством («жил в ярышках же 8 лет, кормился в миру», «и ис той деревни сошел в Свяязский уезд в деревню Накият... и жил... 15 лет в ярышках, а не во крестьянех, работал и кормился по добрым людям»⁴⁷).

К сожалению, источники не позволяют пока ответить на важнейший вопрос об удельном весе нищенства в подобных «промысловых» занятиях пауперизированного населения. Но это отнюдь не значит, что можно факты о таких «промыслах» огулом зачислять в разряд показателей капиталистических отношений. Еще меньше оснований трактовать эти факты как проявление буржуазного расслоения.

Конечно, в XVII столетии формируются и такие категории, для которых наемный труд является систематическим занятием, у которых, следовательно, рабочая сила как будто является товаром. С большей вероятностью к подобной категории можно отнести различного рода разновидности «гулящих» и «перехожих» людей, хотя возможность нищенства не исключена и здесь. В ряде работ, в том числе в исследовании А. А. Новосельского, специально посвященном категории «перехожих» людей, справедливо подчеркивается, что «гульба» и переходы этой категории служат способом

⁴⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 148.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. Поместн. пр., Переписные книги по Н.-Новгороду, кн. 297, лл. 117об.—190; О. В. Ротштейн, Н. И. Шилова. Павлово в XVII веке. М., 1930, стр. 43—49.

⁴⁶ Напр., в с. Мурашкине в середине XVII в. было 19 дворов обедневших бобылей (62 д. м. п.), сочетавших нищенство с работою по найму. (ЦГАДА, ф. Поместн. пр., Писцовые книги по Н.-Новгороду, кн. 296, лл. 605—607).

⁴⁷ Там же, кн. 7522, л. 342, 343об.

сохранения независимости вольных людей⁴⁸. Однако к этому следует добавить и другой важный момент — «гульба» и переходы были в значительной мере обусловлены и поисками работы. Потребность в постоянном применении найма в XVII в. встречается еще сравнительно редко. Отсюда и поиски работы. Отсюда, на наш взгляд, и специфичность формулировок, широко встречающихся в источниках XVII столетия: «кормится переходя», «кормится меж двор», «в соседях переходя» и т. п. В мордовских деревнях этой эпохи встречается колоритная фигура лично свободного «ярыжного». Такой ярыжный иногда даже нанимает землю у мурзы. Однако, не имея от нее достаточных средств к жизни, ярыжный вынужден промышлять случайной работой («И жил в той деревне в ярышках же и землю де нанимая в той деревне пахал и кормился по добрым людям работою своею»⁴⁹). Работали «меж двор» и «переходя» в виду той же причины и крепостные крестьяне, однако в формулировках источников это часто не отражается, так как в большинстве случаев в них стоит глухая формула «кормится работою». Но в некоторых случаях несоответствие этой формулы бродячему характеру работы обнаруживается совершенно четко: «Микифорко Потапов, у него сын Сергулька, сказал: Жил он в Казанском уезде за Троецким Ураевским монастырем, в Слободке. И в писцовых и в переписных книгах написан ли, того не ведает, что кормился работою»⁵⁰.

Основой для такого рода бродячей работы была широко распространенная в крестьянском хозяйстве потребность в разного рода эпизодических наемных работах, как правило, далеко не всегда связанная с товарностью того или иного хозяйства. Таким образом, разбираемая категория людей, систематически занимающихся наймом, опять-таки далеко не всегда противостоит капиталу, и, следовательно, нет основания говорить о категории «гулящих» и «перехожих» людей в целом как о проявлении буржуазного расслоения.

К изучению проблемы расслоения имеет прямое отношение и ряд других моментов, также связанных с источниковедческой критикой документов XVII в. Выше уже разбиралась трактовка авторами статьи о буржуазном расслоении кабальных отношений XVII в. На наш взгляд, вопрос о кабальной сущности отношений правомерно ставить даже в тех случаях, когда источники, на первый взгляд, говорят об отношениях найма. Речь идет о причинах записи в писцовые и переписные книги XVII в. различного рода «работников» и даже «наймитов». Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов совершенно справедливо отмечают отражение распространяющейся практики найма (добавим от себя — эпизодического) в известных статьях Соборного Уложения 1649 г.⁵¹ Но при этом остается в тени другая сторона вопроса. Ведь если Уложение предписывало не брать записей на различного рода вольнонаемных работников, то это в равной мере относится и к записи в писцовые и переписные книги XVII в., служившие традиционным средством, оформлявшим закрепощение. Думается, что как раз этот момент следует учитывать при анализе заключительной формулировки 32-й статьи: «ничим их себе не крепити». Отголоски этого положения встречаются в документах XVII в. Так, житель с. Поляны (близ Симбирска) Гришка Семенов, родом из с. Спасского Нижегородского у., «сошел» когда-то «в село на Утку», «а с Утки сошел он в Алаторский уезд в село Лаву за князь Василия Ростовского и жил лет с 8... А в писцовых и переписных книгах в селе Спасском написан ли того не упомнит. А на Утке и в Лаве ненаписан, что кормился работою, а на пашне не живал»⁵². Учитывая эти обстоятельства, следовало бы, на наш взгляд, осторожнее подходить к фактам фиксации писцовыми и переписными книгами второй половины XVII в. различного рода «наймитов» в крестьянских дворах и не рассматривать эти факты как подтверждения распространения наемного труда. Именно такого рода примеры

⁴⁸ А. А. Новосельский. Вольные и переходящие люди южных уездов Русского государства в XVII в. «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», т. V. К 70-летию В. К. Яцунского, М., 1962, стр. 73.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. Поместн. пр., Переписные книги по Н.-Новгороду, кн. 7522, л. 342.

⁵⁰ Там же, кн. 7522, л. 126 (Подчеркнуто нами.— Л. М.). Здесь не имеются в виду судебные волжские промыслы, при занятии которыми отход из деревень разумелся само собой.

⁵¹ Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 104.

⁵² ЦГАДА, ф. Поместн. пр., Переписные книги по Н.-Новгороду, кн. 7522, л. 259.

фигурируют в некоторых работах по социально-экономической истории XVII столетия. В рассматриваемой статье о буржуазном расслоении также говорится о «наймитах», занесенных в переписные книги Осинского уезда⁵³.

Еще более спорной в связи с этим является трактовка в качестве наемной рабочей силы категории «работников» крестьянских хозяйств. Рискованность оценки такого аморфного термина, как «работник», в качестве наемного рабочего видна из следующего сравнения. Пользуясь, по-видимому, данными за 1677 г. по с. Павлову, К. Н. Щепетов в своей интересной работе о торгово-промышленной деятельности крестьян в вотчинах князей Черкасских приводит материал о богатых крестьянах-торговцах, державших работников (по предположению автора, наемных). Так, «у Афанасия Першина было 5 работников, у братьев Сумароковых было по 4 работника, у Максима Першина — четыре работника»⁵⁴. Однако, по другим данным, один из Сумароковых «Олешка Тимофеев сын Сомороков» еще в 1646 г. имел у себя «два человека крепостных Левка Иванов, Гришка Матвеев». В 1677 г. сын Афанасия Першина Иван имел двух «купленных людей литовского полону»⁵⁵. В том же 1677 г. на Максимку Никитина сына Першина записаны «купленные работники Ивашко 10 лет, Ермошка 9 лет»⁵⁶. Отец Першиных Никита Першин в 1646 г. имел двух человек крепостных⁵⁷.

При всей неопределенности термина «работник» все же есть основание полагать, что в большинстве случаев «работники», занесенные в писцовые и переписные книги, находились на положении кабальных или полукабальных людей, обязанных по жилой или судной записи. Характерно, что термин «работники» довольно часто заменяется термином «работные люди», что ярче обнажает феодальный характер зависимости. На ту же мысль о кабальной зависимости таких работников, или во всяком случае, об отсутствии условий вольного найма, наводят и встречающиеся в источниках многочисленные примеры использования в качестве «работников» малолетних детей⁵⁸. Наконец, известен факт из переписки Б. И. Морозова, когда боярин повелевает вернуть постригшемуся в монастырь белому попу «работницу езо Паню по осмому году», если «будет никому не крепка моим крестьянином и бобылем и мимо ево моих крестьян и сторонних людей исков не будет»⁵⁹.

То обстоятельство, что крестьянское хозяйство, как правило, не носило товарного характера, приводило не только к широкому распространению лишь эпизодического найма, но и к неполному использованию посторонней, в частности, кабальной рабочей силы. Особенно выразительно это проявляется при анализе такого типично феодального явления, как захребетничество. Вследствие того что крестьянское хозяйство не использует труд захребетника целиком, в XVII в. был широко распространен обычай, когда захребетники работали в различных крестьянских дворах. Так, скажем, в с. Павлове в 1642 г. было «с 30 человек захребетников, которые живут в селе Павлове по крестьянским дворам переходя». В другом нижегородском с. Ватрас в 1677 г. 29 человек захребетников «кормятца в той же боярской вотчине своею работою, а дворов у них своих нет». Это видно и по отдельным свидетельствам крестьян: «жил в захребетниках лет с семь, кормился работою»⁶⁰ и т. п.

Все эти наблюдения позволяют, на наш взгляд, сделать вывод о преобладающем распространении в XVII в. фактов лишь эпизодического найма, что не исключает постепенного выделения еще незначительной по величине категории лиц, для которых найм становится систематическим занятием. Однако, в свою очередь, это далеко не всегда предполагает связь такого найма с производством товарного характера.

⁵³ Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 90.

⁵⁴ К. Н. Щепетов. Торгово-промышленная деятельность и расслоение крестьянства в вотчинах Черкасских в XVII в. «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)», сб. статей, М., 1958, стр. 69.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. Поместн. пр., Переписные книги по Н.-Новгороду, кн. 297, лл. 113, 125—126.

⁵⁶ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Музейное собр., № 4546, л. 130б.

⁵⁷ ЦГАДА, ф. Поместн. пр., Переписные книги по Н.-Новгороду, кн. 7529, л. 550.

⁵⁸ ЦГАДА, ф. Поместн. пр., Переписные книги по Н.-Новгороду, кн. 7029, л. 6370б., 535 (Среди таких работников числились даже двухлетние дети).

⁵⁹ «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. II, М.—Л., 1945, стр. 94.

⁶⁰ О. В. Ротштейн, Н. И. Шилова. Указ. соч., стр. 57—58; ЦГАДА, ф. Поместн. пр., Переписные книги по Н.-Новгороду, кн. 7530, лл. 474—475; кн. 7528, л. 1110б.

Поскольку громадная масса крестьянских хозяйств не была достаточно емким объектом применения наемного труда, постольку рабочая сила пауперизированного населения находила себе применение и в ряде других областей народного хозяйства (водный транспорт, соляные и рыбные промыслы и т. п.). Несомненно, что в эпоху XVII в. здесь получили развитие и первичные формы капитала и капиталистических отношений. Однако эти области народного хозяйства не были ключевыми с точки зрения их роли в дальнейшем развитии элементов капитализма и поэтому сколь-либо значительно не повлияли на процесс развития явлений, связанных с расслоением. Здесь мы подходим к вопросу о судьбах пауперизированного населения. Е. И. Индова, А. А. Преображенский и Ю. А. Тихонов справедливо пишут о появлении в XVII в. новых для пауперизированного люда возможностей существования⁶¹. Бурный рост мелкотоварного производства, формирующийся всероссийский рынок и т. п., несомненно, предоставляли такие возможности. Но, думается, было бы рискованно переоценивать эти возможности для XVII в. Разумеется, и в более раннюю эпоху разоренный и выброшенный из сферы феодальных производственных отношений паупер не сразу вовлекался вновь в орбиту этих отношений. Очевидно, проходил какой-то период, когда источниками его существования были нищенство и поденные случайные заработки. Но, если в XV—XVI вв. этот период был сравнительно коротким, то в силу известных обстоятельств в XVII в. он стал более длительным. Однако есть много оснований полагать, что для громадного большинства пауперов этот период все-таки завершался, как и ранее, вторичным вовлечением в сферу феодально-крепостнических отношений. На наш взгляд, процесс обратимости, о котором писали Н. Л. Рубинштейн и И. Д. Ковальченко⁶², характерен и для XVII столетия, а это не дает основания говорить о явлениях расслоения в XVII в. как о буржуазном расслоении, ибо речь идет в большинстве случаев не о начале единого процесса, развивавшегося вплоть до реформы 1861 г., а лишь об отдельных спорадических его проявлениях.

Господствующий феодальный способ производства сильнее всего воздействовал на судьбу «новых явлений» в плане развития феодализма вширь. Эта проблема еще ждет своего исследователя и, можно надеяться, внесет немало нового в оценку многих явлений социально-экономической истории XVII—XVIII вв.

Значение фактора освоения новых территорий как мощного рычага, оттягивающего из основных районов массы беглых пауперизированных крестьян, различного рода наймитов и т. д., видно даже из анализа материалов локального характера. В этом отношении очень любопытен анализ «сказок» 225 дворовладельцев с Майны на левобережье Волги вблизи Симбирска. Здесь, на Майне, осели в патриарших крестьянах, наряду с беглыми и вывезенными по отказам, многочисленные «наймиты», представители в силу тех или иных причин разорившегося, пауперизированного населения. Среди них прежде всего бывшие судовые ярыжные и «кормившиеся работой» на судах⁶³. Основная часть из них промышляла «волжским промыслом» от 3 до 10 лет⁶⁴, хотя в отдельных случаях этот срок был очень большим («жил в Нижнем лет з 20, и ходил в ярыжных по судам») ⁶⁵.

Расширение феодализма на новые территории поглощало не только многочисленные кадры судовых работников, но и представителей категории «кормившихся переходя» по разным деревням и селам («кормился походя, плотничал», «кормился переходя по разным деревням работою с 5 лет», «кормился работою в разных местах», «жил (за патриархом.— Л. М.) добровольно, кормился своею работою», «многие лета кормился работою переходя») ⁶⁶. В приволжских городах и селам на судовых причалах на учугах в XVII столетии бродило множество так называемых наборщиков, вербовавших будущих крестьян новых вотчин. История активной деятельности этих вербовщиков и на-

⁶¹ Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 91.

⁶² Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 72; И. Д. Ковальченко. Указ. соч., стр. 72, 74.

⁶³ ЦГАДА, ф. Поместн. пр., Переписные книги по Н.-Новгороду, кн. 7522, лл. 71, 110, 127 (1658 год).

⁶⁴ Там же, лл. 33, 115, 118об.

⁶⁵ Там же, лл. 72об.—73.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. Поместн. пр., Переписные книги по Н.-Новгороду, кн. 7522, лл. 4, 92об., 94об., 73, 106.

борщиков изучена до сих пор совершенно недостаточно. Важно подчеркнуть, что различного рода «гулящие» люди, ярыжные, «кормящиеся работой» шли в эти новые вотчины особенно охотно. «Сказки» крестьян с. Майны изобилуют в большинстве случаев весьма характерными примечаниями: «пришли они в село Майну собою», «а пришел он в село Майну сам, добровольно, собою», «а слышал де он, что селятца на Майне и он де пришел на Майну», «и с воли пришел на Майну»⁶⁷.

Если в некоторых работах, посвященных новым явлениям XVII в., иногда делаются подсчеты, показывающие, что число «кормящихся работою», «кормящихся меж двор» и т. п. достигает 20—23% от числа крестьян того или иного селения, то аналогичные подсчеты можно сделать и в отношении тех же категорий крестьян, но вновь оседающих на земле. Из 225 дворовладельцев с. Майны 42 были на тот или иной период оторваны от земледелия и «кормились работою» по селам, городам или на судовых волжских промыслах. Эти 42 дворовладельца (не считая ярыжных) составляют 18% от числа всех дворовладельцев села.

Следовательно, для середины XVII в. процесс вторичного вовлечения разоренного крестьянства в сферу крепостнических отношений был важным фактором, тормозящим, а быть может, и приостанавливающим развитие явлений, которые связываются Е. И. Индовой, А. А. Преображенским и Ю. А. Тихоновым с расслоением крестьянства.

Таким образом, разобранный выше материал свидетельствует, во-первых, о широком распространении найма лишь эпизодического, случайного отчасти и более ранним эпохам, во-вторых, о том, что постепенно формирующейся прослойке людей, систематически живущих наймом, далеко не всегда противостоял капитал; больше того, эта прослойка постоянно поглощалась воспроизводством феодальных форм собственности. Только в толще этих явлений в XVII в. спорадически возникали отношения капиталистического характера.

При изучении проблемы расслоения анализ различных категорий разоренного крестьянства неразрывно связан с анализом причин этого разорения. В статье И. Д. Ковальченко хорошо показана ошибочность позиции некоторых исследователей, считающих, что процессу буржуазного расслоения способствовало не только действие законов товарного производства, но и крепостнический и фискальный гнет. Феодальная эксплуатация, налоговый гнет и т. п., как правильно отмечает И. Д. Ковальченко, тормозили процесс расслоения крестьянства. Однако пауперизацию сельского населения, являющуюся следствием феодального и налогового гнета, И. Д. Ковальченко склонен считать одним из проявлений процесса первоначального накопления, содействовавших «складыванию предпосылок для капитализма»⁶⁸. Этот тезис И. Д. Ковальченко заслуживает специального рассмотрения, так как он связан с выдвинутой автором трактовкой сущности процесса первоначального накопления капитала.

В дискуссии по проблеме расслоения, которая органически переплетается с проблемой первоначального накопления, наметились, на наш взгляд, справедливые коррективы в ответ на некоторые ошибочные толкования, которые были характерны, а может быть, и закономерны при постановке нового вопроса. Так, в частности, в статье И. Д. Ковальченко выдвинута интересная мысль о двух сторонах генезиса капиталистических отношений в земледелии: первоначальном накоплении и расслоении мелких товаропроизводителей. При этом И. Д. Ковальченко резко подчеркивает сущность процесса так называемого первоначального накопления, заключающегося в «широкой системе различного рода сознательно проводимых мер, прямом насилии»⁶⁹. Такая постановка вопроса, сопровождающаяся убедительной аргументацией, несомненно является во многом правильной.

Однако легко предугадать, что в ответ именно на такое понимание процесса первоначального накопления многие оппоненты противопоставят иной подход, опираясь на другие положения той же 24-й главы. В самом деле, как можно понимать определение К. Марксом процесса первоначального накопления «как исторического процесса отделения производителя от средств производства», как «предысторию капитала и соот-

⁶⁷ Там же, лл. 109, 160, 270б., 38.

⁶⁸ И. Д. Ковальченко. Указ. соч., стр. 87.

⁶⁹ Там же, стр. 68—69.

ветствующего ему способа производства» и т. п.⁷⁰. Думается, считать, что здесь идет речь о процессе, воплощенном только в насилии, было бы неправильно.

Совместить эти кажущиеся несовместимыми положения, на наш взгляд, можно лишь исходя из содержания 24-й главы в целом. В этой главе К. Маркс отчетливо отделяет «так называемое первоначальное накопление» от собственно «первоначального накопления», которое является более емким термином, охватывающим процесс в целом, т. е. и его насильственную сторону и его «экономические пружины». Остро полемическая, направленная на разоблачение пошлой буржуазной легенды происхождения капиталистического общества глава написана К. Марксом специально о так называемом первоначальном накоплении⁷¹. Говоря же об основе первоначального накопления в собственном смысле, К. Маркс подчеркивает, что эту основу составляет «экспроприация непосредственных производителей, т. е. уничтожение частной собственности, покоящейся на собственном труде», но экспроприация не ограничивается насилием, а лишь «включает в себя целый ряд насильственных методов»⁷². Мысль о том, что К. Маркс выделяет в истории первоначального накопления две стороны — насильственные методы и «экономические пружины», подтверждается и рядом мест в самой 24-й главе, где делаются экскурсы в другую область первоначального накопления, в область «экономических пружин». Наиболее ярким примером здесь может служить параграф о генезисе капиталистических фермеров, где в целом речь идет об экономических моментах⁷³.

Таким образом, положения, выдвинутые И. Д. Ковальченко, представляются вполне приемлемыми с той лишь разницей, что лучше говорить не о двух сторонах общего процесса генезиса капитализма, а о двух сторонах собственно первоначального накопления как процесса «поляризации товарного рынка», «создающего основные условия капиталистического производства»⁷⁴.

На первый взгляд может показаться, что спор сводится лишь к терминологической стороне дела. Однако это не вполне так. Думается, что термин «генезис капиталистических отношений» гораздо шире по объему включаемых в это понятие проблем. Генезис капитализма, как это показано в трудах К. Маркса и В. И. Ленина, охватывает и более ранний период, в частности вопросы, связанные с развитием товарного производства. «...Вся сущность капиталистической эволюции мелкого земледелия, — пишет В. И. Ленин, — состоит в создании и усилении имущественного неравенства внутри патриархальных союзов, далее в превращении простого неравенства в капиталистические отношения»⁷⁵. По сравнению с этим понятие первоначального накопления уже и не охватывает столь ранние этапы, ибо К. Маркс, формулируя его сущность, постоянно подчеркивает непосредственные результаты этого процесса: «...На одном полюсе выступают условия труда как капитал, а на другом полюсе — люди, не имеющие для продажи ничего, кроме своей собственной рабочей силы»⁷⁶.

Обе стороны этого процесса — «насильственные методы» и «экономические пружины» — реально проявляются лишь тогда, когда непосредственно ведут к подчинению капиталом рабочей силы, ибо в противном случае под рубрику первоначального накопления будут неизбежно зачисляться явления, имеющие лишь внешнее сходство. В связи с этим, думается, будет более правильным для периода XVII столетия не считать разорение крестьян в результате усиления феодального и фискального гнета проявлением первоначального накопления. В XVII столетии в феодальном и фискальном гнете элементы так называемого первоначального накопления, если и проявлялись, то весьма слабо. Это был не «процесс, создающий капиталистическое отношение»⁷⁷, а типичная пауперизация. Если в Англии конца XV—XVI вв. пауперы загонялись рабочим законодательством на капиталистические мануфактуры, то в России XVII в. пауперы в конечном счете вовлекались вновь в сферу феодального производства.

⁷⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 727, см. также стр. 726.

⁷¹ Там же, стр. 728, 734.

⁷² Там же, стр. 770, 771.

⁷³ Там же, стр. 727.

⁷⁴ Там же, стр. 726.

⁷⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 76.

⁷⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 747.

⁷⁷ Там же, стр. 726.

Разумеется, поскольку пауперизация подрывала условия воспроизводства феодальных отношений, постольку она действовала разлагающе. Но действие ее имеет больше сходства с такими явлениями, как, скажем, ростовщический капитал, чем с такими, как первоначальное накопление. «Поскольку ростовщичество выполняет,— пишет К. Маркс,— двоякую роль: во-первых, создает вообще наряду с купеческим капиталом самостоятельное денежное имущество, во-вторых, присваивает себе условия труда, т. е. разоряет владельцев старых условий труда,— постольку оно является мощным рычагом для образования предпосылок промышленного капитала»⁷⁸. Казалось бы, чего еще не хватает для оценки ростовщичества, как проявления процесса первоначального накопления. Однако общеизвестны неоднократные высказывания К. Маркса и В. И. Ленина о роли ростовщичества, сильно отличающиеся от высказываний о роли первоначального накопления⁷⁹. Только тогда, «когда имеются налицо остальные условия капиталистического способа производства», созданные в результате иного процесса — процесса первоначального накопления, «ростовщичество выступает как одно из орудий, созидающих новый способ производства»⁸⁰.

Не охватывая начальный период генезиса капитализма в России, первоначальное накопление отчетливее всего проявлялось действием своих «экономических пружин», в процессе расслоения мелких товаропроизводителей, что правильно отмечено Н. Л. Рубинштейном⁸¹. Но речь идет только о таком расслоении, которое непосредственно ведет к образованию капитала и наемной рабочей силы.

Вышеизложенные соображения делают вполне очевидной необходимость при изучении проблем расслоения различать в общем процессе генезиса капиталистических отношений качественно различные этапы. С этой точки зрения статья «О буржуазном расслоении» вызывает возражения и по самой постановке вопроса. Авторы статьи исходят из установления принципиально однородного процесса на протяжении громадного исторического периода XVII—XVIII вв. Мало того, из содержания статьи следует, что и в более поздний период, в первую половину XIX в. происходит тот же процесс буржуазного расслоения, что и в XVII в.⁸² Думается, что с такой постановкой вопроса и прежде всего с терминологией не согласится даже неискушенный читатель.

Говоря о буржуазном расслоении крестьянства в XVII—XVIII вв., авторы ни по отношению к XVII в., ни по отношению к XVIII в. не дают более или менее четкой оценки этих периодов как определенных этапов в генезисе капиталистических отношений. В статье в качестве основополагающего и исходного положения для проблемы расслоения фигурирует лишь «генезис капиталистических отношений» вообще. Думается, что именно при изучении проблемы расслоения такой подход не вполне правомерен. Как уже говорилось выше, термин генезис капиталистических отношений — понятие весьма широкое. А процессы, связанные с формированием наемных рабочих — на одном полюсе, и капитала — на другом, развиваются не на ранних этапах генезиса капиталистических отношений, а лишь тогда, когда зарождается процесс первоначального накопления, ведущий к рождению нового способа производства.

Более удачен, с нашей точки зрения, подход к решению проблемы расслоения в статье И. Д. Ковальченко, который в основу, так сказать, «периодизации» расслоения земледельческого и промыслового крестьянства кладет этапы генезиса капитализма в промышленности. Ввиду недостаточной изученности вопроса и методологических разногласий подход к проблеме расслоения именно с принципиально теоретических позиций представляется наиболее важным, хотя следует отметить, что в конкретной датировке некоторых этапов автор проявил весьма большую осторожность⁸³. Выделенные И. Д. Ковальченко этапы имущественного неравенства, мелкотоварного расслоения и, наконец, капиталистического расслоения (с двумя внутренними подэтапами), на наш взгляд, можно принять за основу, так как эта периодизация расслоения в целом дает

⁷⁸ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 624.

⁷⁹ Там же, стр. 610; В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 152 и др.

⁸⁰ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 611.

⁸¹ Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 82.

⁸² Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 82.

⁸³ И. Д. Ковальченко. Указ. соч., стр. 78.

правильную ориентировку, уточнение которой будет осуществлено в конкретных исследованиях.

Наибольший спор вызвал в свое время этап экономического или мелкотоварного расслоения, выделение которого, на наш взгляд, является принципиально важным: между имущественным неравенством эпохи натурального хозяйства и капиталистическим расслоением в условиях России лежит громадный исторический период. Однако из двух названий этого этапа целесообразнее оставить лишь одно. На наш взгляд, им должен быть термин «мелкотоварное расслоение» и вот почему: термин «экономическое расслоение» слишком неопределен и напоминает по существу имущественное неравенство. Этот термин, кроме того, лишен какого бы то ни было социального оттенка. Наконец, он не передает специфики данного этапа как переходной ступени от имущественного неравенства к капиталистическому расслоению. С этой точки зрения термин «мелкотоварное расслоение», при всей его условности, кажется более удачным.

Правомерность выделения подобного этапа в расслоении крестьянства находит прочное обоснование в трудах классиков марксизма-ленинизма. Больше того, в их работах мы находим и основные критерии для выделения подобного этапа⁸⁴. Вполне соглашаясь с тем, что нельзя выделять период мелкотоварного расслоения в качестве самодовлеющего этапа⁸⁵, нужно в то же время отметить полную возможность выделения такого этапа как сосуществующего и переплетающегося с имущественным неравенством. Именно так ставит вопрос К. Маркс, когда характеризует в своем роде новые явления в социально-экономической обстановке Англии XIV—XV вв. «Класс наемных рабочих, возникший во второй половине XIV столетия, составлял тогда и в следующем столетии лишь очень ничтожную часть народа, его положение находило себе сильную опору в самостоятельном крестьянском хозяйстве в деревне и цеховой организации в городах. Как в деревне, так и в городе хозяева и рабочие стояли социально близко друг к другу. Подчинение труда капиталу было лишь формальным, т. е. самый способ производства еще не обладал специфически капиталистическим характером. Перемеженный элемент капитала сильно преобладал над постоянным его элементом. Вследствие этого спрос на наемный труд быстро возрастал с накоплением капитала, а предложение наемного труда лишь медленно следовало за спросом»⁸⁶.

Нетрудно убедиться, что характеристика К. Марксом специфических черт социального расслоения Англии в XIV—XV вв. во многом сходна с ленинской характеристикой расслоения на домануфактурной стадии, данной им в работе «Развитие капитализма в России». Мысль К. Маркса о ничтожной части народа в лице «класса наемных рабочих» перекликается с мыслью В. И. Ленина о том, что «зависимость от капитала и работа по найму... массы промышленников, массы населения еще не охватывали». Тезис К. Маркса о сильнейшей опоре положения наемных рабочих «в самостоятельном крестьянском хозяйстве в деревне и цеховой организации в городах» весьма близок к смыслу ленинского положения, говорящего о том, что «зависимость от капитала и работа по найму... ни в какую прочную форму еще не отливались». К. Маркс пишет о социальной близости хозяев и рабочих в Англии XIV—XV вв., о формальном подчинении труда капиталу, то же отмечает В. И. Ленин, говоря о домануфактурной стадии («разница между хозяином и рабочим сравнительно мала») и подчеркивая отсутствие «раскола между различными группами участвующих в производстве лиц»⁸⁷.

Все это, вместе взятое, дает, на наш взгляд, основание утверждать, что и К. Маркс и В. И. Ленин в сложной и длительной эволюции социального расслоения выделяют особый этап, который получил в данной дискуссии условное название этапа мелкотоварного расслоения.

Датировать этап мелкотоварного расслоения при нынешнем уровне разработки этого вопроса можно лишь примерно. Правильнее всего обозначить сейчас начало этого периода концом второй — началом третьей четверти XVII в. Гораздо труднее определить начало следующего этапа собственно капиталистического, т. е. социального расслоения. И. Д. Ковальченко справедливо отмечает, что середина XVIII в.— это уже

⁸⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 381.

⁸⁵ См. И. Д. Ковальченко. Указ. соч., стр. 75.

⁸⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 748.

⁸⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 381.

эпоха социального расслоения, но определение ее начальной грани упирается в неизученность многих социально-экономических проблем конца XVII — первой половины XVIII вв. Этот вопрос будет решен лишь тогда, когда будет изучена история мануфактурного этапа в развитии промышленности, ибо начало мануфактурного периода — это начало социального расслоения так называемого промышленного крестьянства. В статье И. Д. Ковальченко, хотя и в плане предположения, допускается возможность того, что социальное расслоение в среде промыслового крестьянства начинает развиваться еще во второй половине XVII в. На наш взгляд, нынешний уровень изученности важнейших социально-экономических проблем XVII столетия не дает возможности для предположений такого рода.

Этап мелкотоварного расслоения, на наш взгляд, наиболее характерен для промышленного крестьянства, по крайней мере до конца XVII в. В правильности такого предположения не может разубедить и появившийся в исследовании по XVII в. ряд интересных наблюдений о зарождающейся в это время тенденции к укрупнению мелкотоварного производства как на посадах, так и в крупных промысловых селениях. Разумеется, здесь не имеются в виду предприятия мануфактуроподобного типа, основанные на крепостном труде. Речь идет лишь о различного рода укрупненных ремесленных мастерских, постепенно появившихся в XVII в. в таких отраслях производства, как винокурение, обработка кож, производство солода, изготовление канатов, слесарное и кузнечное производство и т. п.⁸⁸ Предприятия такого рода чаще всего (особенно в сельских центрах) основываются на труде членов семьи с дополнительным привлечением наемной силы. Факт привлечения наемной силы как дополнительного момента при производстве некоторых операций хорошо показан К. Н. Щепетовым на примере павловских оружейников⁸⁹. Анализ главных производств с. Павлова (металлообрабатывающего, горшечного и кожевенного) также показывает, что в основе их лежит семейный труд с возможным к концу XVII в. привлечением наемной рабочей силы лишь в качестве дополнения⁹⁰. Усиливающаяся к концу XVII в. роль скупщика лишь подготавливала появление мануфактуры рассеянного типа. В основе производства продолжал лежать самостоятельный труд товаропроизводителя, хотя на этом фоне и появляются мастерские капиталистического типа. Поэтому в целом вполне правомерно охарактеризовать расслоение промышленного крестьянства XVII в. как расслоение мелкотоварное, при котором «зависимость от капитала и работа по найму... массы промышленников, массы населения еще не охватывали», «ни в какую прочную форму не отливались», а «разница между хозяином и рабочим сравнительно мала» и т. п.

Что же касается общей постановки вопроса о расслоении земледельческого крестьянства европейской России XVII в.⁹¹, то, как нам представляется, данные, привлеченные авторами статьи «О буржуазном расслоении», не свидетельствуют о явлениях не только буржуазного, но даже мелкотоварного расслоения. Элементы мелкотоварного расслоения земледельческого крестьянства могли спорадически появляться в этот период лишь в особо благоприятных районах (окрестности Москвы, особо плодородные районы, близкие к рынку сбыта и т. д.).

---

⁸⁸ На наш взгляд, для правильного решения проблемы расслоения, как и вообще проблемы генезиса капитализма, необходимо избегать проявляющейся в некоторых работах тенденции «приподнять» укрупненную ремесленную мастерскую до более высокого уровня мануфактуры. Подчас это делается путем неправомерного приклеивания к такой мастерской (при условии наличия исторически сложившегося еще на стадии ремесла разделения труда) ярлыка «предприятия мануфактурного типа». Нет нужды напоминать о серьезности последствий интерпретаций такого рода.

⁸⁹ К. Н. Щепетов. Указ. соч., стр. 59—60.

⁹⁰ О. В. Ротштейн, Н. И. Шилова. Указ. соч.

⁹¹ Мы сознательно отвлекаемся от специфичных процессов, протекавших в среде крестьян Поморья и Сибири. Этот вопрос подробно разобран в указ. статье: В. К. Яцунского.